

Бьорк: «Я — вне категорий!»

САМАЯ ЗНАМЕНИТАЯ ИСЛАНДКА В МИРЕ СЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ СОЧИНЯЕТ МУЗЫКУ И ЕЩЕ УСПЕВАЕТ СНИМАТЬСЯ В КИНО

ЭКСКЛЮЗИВ

Антон ДОЛИН,
Карловы Вары

В эти дни в чешском городе Карловы Вары проходит 41-й международный кинофестиваль. Он по праву считается известнейшим фестивалем Восточной Европы, однако привлекает и гостей из других частей света. В этом году одним из самых почетных стал культовый американский скульптор и режиссер Мэттью Барни, представивший полное собрание своих сочинений — цикл из пяти фильмов «Крематор» и новейшую работу, Drawing Restraint 9 (приблизительный перевод — «Рисуй границы, часть 9»). Этот необычный фильм о влюбленной паре, которая превращается в двух китов, знаменителен еще и тем, что в нем в кинематограф вернулась певица Бьорк — жена Барни. Обозревателю «МН» выпала редкая честь встретиться и побеседовать с БЬОРК об этом удивительном эксперименте.

— Обычно считается, что два талантливых человека, живущих вместе, не должны вместе работать — чтобы не разрушить своих отношений. Однако вы и Мэттью Барни решились сделать вместе фильм...

— Я даже не помню, как я согласилась на это. Когда мы сошлись с Мэттью, то сразу решили — вместе работать не будем. Но на горизонте появился проект Drawing Restraint 9, и все случилось как-то независимо от нас! Но мы знали друг друга уже пять лет к тому моменту и были уверены друг в друге. Это было... знаете, как вечером после работы порезать салат и согреть чаю. Легко и естественно.

— Вы же говорили, что после «Танцующей в темноте» и опыта работы с Ларсом фон Триером вас снимать в кино силком не затащишь?

— Знаете, я бы хотела сказать пару слов в защиту Ларса. Он не виноват! Я решила не сниматься в кино очень давно. Однажды я сыграла в одном исландском телесериале, когда мне было 18 лет, и после этого сказала себе: «Это не для меня. Уж лучше музыка». Но Ларс меня обманул: сперва попросил написать музыку, а потом спросил, кто, по-моему, мог бы сыграть в фильме и спеть мои песни. Никого лучше меня не нашлось. Для Ларса я сделала исключение. А потом все стали кричать, что из-за Ларса я больше в кино не пойду! Вот в Drawing Restraint 9 же пошла. Только это уже не кино. Реплик у меня нет, да и вообще в фильме — никаких диалогов. Играть ничего не надо. Я себя во время съемок ощущала как скульптура. Я пришла на площадку в своей собственной одежде, и Мэттью постепенно превратил меня в изваяние. А потом превратил в кита. Это вам не театральная игра в шекспировском

Во время съемок фильма в Японии Бьорк научилась хранить молчание и не бояться тишины

духе. Но скажу вам честно, что куда важнее появления на экране для меня музыка.

— Вы ведь в музыке, которую написали для фильма, использовали японские народные инструменты. Трудно было с ними работать?

— Мэттью попросил меня написать музыку для фильма в декабре, и у меня было всего шесть месяцев — по моим меркам крошечный срок. И я приняла судьбоносное решение: не изучать во всех подробностях японскую народную музыку, а основываться на том, что я уже знала. Я еще тинейджером смотрела много японского кино и анимации, книжки читала — этим и обошлась. Настоящую Японию за полгода все равно познать невозможно. В этой музыке отразилась и Япония, какой я ее представляю, и я сама. Кстати, поскольку мы с Мэттью на экране проходили ритуал, напоминающий синтоистскую свадьбу, мне надо было учесть это и в музыке. Но я сказала себе: «Делай, что чувствуешь, не думай ни о каких клише». Я очень мало знаю о синтоистских обычаях и ненавижу любые клише. Особенно связанные с Исландией: эльфы в остроконечных шляпах и прочая ерунда. И здесь я старалась по мере сил избежать клише.

— Еще одно клише, от которого не избавиться: Бьорк — посланница Исландии во всем мире. Рядом со словом «Исландия» всегда тут же звучит «Бьорк». Вам это льстит, или, наоборот, раздражает?

— Совру, если скажу, что только раздражает и совсем не льстит. Однако лучшее, что я могу сделать для своей страны, — это продолжать заниматься тем, чем я и так занимаюсь. Если бы меня

попросили описать исландцев, я бы сказала: «Это люди, которые делают то, что им вздумается, и никого не слушают». Такое определение звучит более приятно, чем если бы я назвала соотечественников эгоистами и лентяями.

— Что поделает, для большей части населения Земли Исландия — очень экзотическое место.

— Когда-то мир состоял из древних египтян, древних греков и римлян. Теперь он состоит из США, Франции, Италии, Германии, еще пары стран. Это — «цивилизация», а остальная часть мира — «экзотика». То есть 85% мира — Южная Америка, Африка, Азия, даже Гавайи, некоторые штаты США, уж, конечно, Исландия... Да и Россия, безусловно! — все это экзотические территории. И нам приходится изображать из себя забавных зверюшек:

«Привет! Мы не люди, мы львы и тигры, а вы, если хотите, можете прийти и нас колонизировать — мы с радостью будем есть у вас из рук. А заодно и развлечем вас». На самом-то деле итальянцы вывезли свои спагетти из Китая, и лучше об этом не забывать.

Когда я ехала в Японию, то буквально заставляла себя не думать об экзотике. Но что поделать, если чайной церемонии люди учатся годами, а я обошлась тремя поверхностными мастер-классами, да и то в Манхэттене? Я смотрела на нее, как на сложную и странную игру, вроде компьютерной. Или гольфа. Или шахмат. Поставишь чашку на три сантиметра левее, чем надо, — и сразу проиграла! Так что пришлось довольствоваться клише. Впрочем, скажем честно, иногда клише соответствуют действительности. Например, исландцы действительно живут в согласии с природой. Но это — еще не повод превращать людей в животных.

— А новые впечатления от Японии у вас остались после съемок?

— О, это было потрясающе! Я бывала там раньше, но только в больших городах. А сейчас попала на юг, на побережье. Ничего общего с Токио. Больше всего меня поразила тишина. Умение ее хранить, умение молчать. В этом — какой-то потрясающий минимализм... это слово — тоже клише, но я не могу от него избавиться. В Японии я научилась не бояться тишины. Молчание, а потом — звук голоса или одного-единственного инструмента.

— В вашем предыдущем альбоме Medulla у вас не звучало практически никаких инструментов: только голоса. А в Drawing Restraint 9, наоборот, только инструментальная музыка и минимум песен.

— То, что я делала прежде, влияет на меня единственным возможным образом: я создаю нечто противоположное. Мой альбом Homogenic был очень лихим, по мужски заводным, а следующий, Vespertine, — вежливым, лиричным, медленным. Так и сейчас случилось: моя музыка — не только виртуальное рукопожатие Мэттью и тому, что он сделал

в своем фильме, но и реакция на мою предыдущую работу.

— Так что будет следующим альбомом? Что-нибудь жутко попсовое?

— Диск! А почему, собственно, нет? Пока я не знаю, за что возьмусь, но надеюсь записать что-то совсем неожиданное. Главное, чтобы это доставило мне радость.

— Не думали о том, чтобы написать полноценный мюзикл?

— Не знаю. Я все время пытаюсь сделать то, чего не делала до сих пор. Конечно, это иллюзия, но такие иллюзии помогают мне жить на свете. Люблю удивлять саму себя.

— Вы остаетесь крупнейшей поп-звездой, однако ваша музыка в последних двух альбомах абсолютно авангардна. Вы так боретесь с собственной популярностью?

— Надеюсь, я себе не изменяла и ничего не делала никому назло. Это не борьба с популярностью, а борьба за свободу! Я сама слушаю Destiny's Child, а потом вдруг переключаюсь на Дебюсси. Все мы слушаем разную музыку. Мне хочется думать, что я нахожусь вне категорий и никого не шокирую, если создам нечто, так скажем, «авангардное». Люди не черные и не белые, они слушают и классику, и рэп в исполнении 50 Cents. Все от настроения зависит. Но есть люди, на которых я всю жизнь стараюсь ориентироваться. Например, Джони Митчелл. Или Кейт Буш — не только потрясающая певица, но и композитор, и продюсер! Хотя те диски, которые мне нравятся больше всего, кажется, никто, кроме меня, и не слышал. Я сама нахожу их в секонд-хендах через интернет.

— А редкие фильмы тоже через интернет заказываете? Или вы кино не смотрите?

— Я в детстве в кино ходила редко. А сейчас смотрю около четырех фильмов в месяц. Беру в видеопрокате. Смотрю больше классики: Луи Малля, Алэна Рене, Пазолини, Антониони, Курасаву. Люблю Хайю Миядзаки. Вообще-то подозреваю, что мне надо многое наверстать.

— Вы живете между Штатами и Рейкьявиком, ездите по всему миру с концертами, пишете музыку да еще и в кино снимаетесь. Трудно выдерживать такой график?

— Моя работа позволяет мне замыкаться в себе. Прошу окружающих оставить меня в покое на недельку — и за это время я восстанавливаюсь. Я вообще интроверт по натуре. Музыку пишу в одиночестве, на природе. А потом мне вдруг становится скучно, и я зову моих друзей, ди-джея — и начинается веселье. Жить и работать мне помогает музыка. По-моему, заниматься музыкой надо шесть дней в неделю, а на седьмой день можно о музыке и поговорить. Вот это — правильный баланс. Давать концерты я тоже люблю: я в этом разбираюсь даже лучше, чем в записи музыки, да я и вышла на сцену раньше, чем вошла в студию. Заставить огромное количество людей в одном зале испытать одно и то же чувство — вот это задача!

Во время съемок Бьорк ощущала себя скульптурой